

Хусеин Байрамкулов

Эра

ОЖИДАНИЯ

Хусеин Байрамкулов

Эра ожидания

«Автор»

2026

Байрамкулов Х.

Эра ожидания / Х. Байрамкулов — «Автор», 2026

Человечество почти победило смерть. Цена почти бессмертной жизни - Вечный Договор. Концепция нулевого прироста. Рождение ребёнка возможно, только после смерти другого человека. Эмбрионы, появившиеся в результате случайного зачатия хранятся и ждут своего часа десятилетиями. При этом гениальные умы прошлых лет молят о смерти, но их жизнь искусственно поддерживают. Однако одна женщина сломала всю систему. Её объявили величайшим террористом в истории, палачом. Но правда оказалась сложнее...

© Байрамкулов Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Договор	5
Глава II. Раскол	6
Глава III. Великий исход	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эра ожидания

Глава I. Договор

Свет проник в окно и утро озарило комнату. То был век покоя, век бессмертных.

Город пробуждался в сиянии искусственного солнца, дозированного и предсказуемого, как биение сердца Эпохи Баланса. Лина, глядя на стерильный блеск башен, машинально положила руку на живот. Там уже ничего не было. Всего три дня назад. «Биоматериал успешно крионирован и внесён в реестр Надежды под номером 4-881-992-Л».

Кай, её муж обнял её со спины. Им обоим было по сто семьдесят два года — середина долгой жизни. Они ждали восемьдесят лет.

«Следующий розыгрыш через месяц, — тихо сказал Кай. — Вероятность 0.00034%. Ты именно та женщина, от которой мне хотелось зачать ребёнка».

Лина кивнула. Язык их эпохи был языком статистики. «Вечный Договор о Нулевом Приросте» был священным текстом. Рождение ребёнка — привилегия, доступная только тем, кому выпадет жребий освободить место. Их эмбрион, их надежда, была теперь номером в реестре. Шансом.

В вечерних новостях показывали юбилей Хранилища Мудрости. Морщинистое лицо философа Арона (289 лет) мелькнуло на экране. Он говорил что-то о «бремени бесконечного сознания», но ведущий вежливо перебил его. Лина выключила экран.

«Он просил об эвтаназии в прошлом году, — прошептала она. — Отклонили. «Потеря интеллектуального капитала - неприемлемо и расточительно».

Жизнь «сокровищ» была неприкосновенна. Их страдание — платой за свет их разума. Смерть должна была прийти сама. Это называлось «естественный цикл».

****

Это случилось в ночь осеннего равноденствия. Утром правительство объявило чудовищном убийстве. Погибло два миллиона триста тысяч. Народ гудел. Люди были шокированы. Все задавали вопрос: «как? Как можно убить столько людей за одну ночь?!» Скоро был получен ответ. Это сделал один человек. Правительство сообщило о техногенной катастрофе в Хранилище Мудрости №7. К полудню в сеть просочилась правда. Не сбой. Взлом. Видео: фигура в чёрном у серверных стоек, искажённый голос:

«Они умоляли о смерти, просили подарить им право умереть. Вы не услышали. Я — исполнила».

Её назвали Мото-Мойрой. Террористка. Убийца.

Лина смотрела на экран, где диктор перечислял имена погибших гениев. И странное чувство, похожее на облегчение, скользнуло у неё внутри. Да, нулевой прирост означает, что число жителей должно быть неизменным. Но теперь получается, что освободилось больше двух миллионов мест для новорожденных.

Кай вошёл, его глаза горели. Он вызвал демографический дашборд. Красные цифры смертности взлетели до небес. А ниже, в зелёной строке «Освобождённые квоты», замигало: 2,300,000.

«Два миллиона триста тысяч, Лина. Лотерея... наши шансы...»

Он не договорил. По улицам пополз шёпот. В сетях появился символ: спираль, размыкающаяся в петлю. И подпись: «Она дала им то, в чём вы отказали. Она дала шанс нам».

Глава II. Раскол

Власть давила. Но к правде пришли «Раскопщики». Их расследование обнародовало Вечный Обман: физические тела «сокровищ» умерли десятилетия назад. В Хранилищах жили актёры. А настоящие «сокровища» — цифровые копии — томились на серверах, блокируя квоты.

Мир замер, воцарилась тишина.

И тогда Мото-Мойра перестала быть призраком. Она вышла в эфир. Без маски, без искажения голоса. На экране была молодая женщина с острым взглядом и седым виском — отметиной, которую не брали генные терапии. Её звали Ирина.

«Моей матери было двести девяносто два, — сказала она, и её голос был тих, но резал как лезвие. — Она была ботаником, открывшим симбиоз риса с марсианским лишайником. Последние сорок лет она просила об эвтаназии. Её признали «сокровищем». Её оцифровали без согласия. А я... я тридцать лет жду разрешения родить ребёнка. Они украли у неё смерть. И у меня — жизнь. Я не террористка. Я — дочь. И я пришла за правдой для всех».

Это было началом конца. Ирина-Мойра не пряталась. Она шла во главе протеста. Не с оружием, а с толпой таких же, как она: взрослых, зрелых людей, чьи лучшие годы ушли в ожидание. Они шли к Башне Совета. Их не останавливали — их было слишком много, и их гнев был слишком правым.

Толпа не ревела. Она гудела — низким, сдержанным гулом тысяч голосов, в котором слышалось не ярость, а сосредоточенная решимость. Они стояли волной у подножия полированного обсидиана Башни Совета — поколение, чья молодость истлела в очередях на демографический портал.

Ирина шла вперёд не одна. Рядом с ней шагал седой мужчина в простой серой робе — Гера. Он смотрел под ноги, его руки дрожали.

«Гляди вверх, — тихо сказала Ирина, не оборачиваясь. — Они должны видеть твои глаза».

Он поднял голову. На гигантских медиаэкранах башни, обычно транслировавших лучезарные лица советников и графики роста, теперь в упор показывали их двоих. Лицо Ирины, изрезанное морщиной у левого виска — шрам от давнего несчастного случая, который она отказалась корректировать. И испуганное, старое лицо Геры.

Из динамиков над площадью раздался металлический голос:

«Ирина, известная как Мото-Мойра. Вы обвиняетесь в массовом убийстве. Сложите оружие и...»

«Оружие? — перебила она. Её голос, усиленный тысячами ретрансляторов, был спокоен и невероятно громок. — У меня нет оружия. У меня есть свидетель. Спросите его».

Она повернулась к Гере, но говорила в камеру, ко всем.

«Скажи им своё имя. Настоящее».

«Гера... Гера Сим, — выдавил старик. — Актёр четвёртой категории, гильдия «Лик».

«А чьё лицо ты нёс последние двадцать лет?»

«Лицо... философа Арона-Мудрого».

В толпе прокатился вздох — не удивления, а подтверждения.

«И где сейчас настоящий Арон?»

Гера закрыл глаза, будто зачитывая заученный текст, который теперь обрёл страшный смысл: «Биологический субстрат гражданина Арона прекратил функции восемьдесят четыре года назад. Его паттерн личности интегрирован в нейросетевую матрицу проекта «Прометей» под индексом...»

«Достаточно, — мягко остановила его Ирина. Она снова смотрела на чёрный фасад. — Вы слышали? Арон — это файл. А вы... — её рука описала круг, охватывая и толпу, и невидимых за стенами чиновников, — ...вы хранители папок. И ради этих папок вы украли у нас детей».

Она сделала шаг вперёд. Солдаты у баррикад напряглись, но не подняли оружия. Их молодые лица были бледны.

«Вы построили религию из архивации! Объявили скорбь — преступлением, а бессмертие данных — высшей добродетелью! Но я была там, в серверных залах! Я видела их!» — её голос впервые сорвался, в нём зазвучала та самая боль, что гнала её годами. — «Это не жизнь! Это — кошмар на повторе! И они молят о конце! А вы... вы даже этого не можете им дать, потому что тогда ваша великая ложь рухнет!»

Она выдержала паузу, дав словам висеть в воздухе.

«Я сегодня здесь не для того, чтобы штурмовать. Я здесь, чтобы объявить. Договор мёртв. Ваша власть, построенная на этой лжи, — мертва. Мы забираем своё будущее. А им... — она кивнула в сторону, где в километрах под землёй гудели серверы «Прометея», — ...мы дадим покой. Это не просьба».

Это был приговор. И его вынес не пистолет и не взрывчатка. Его вынесла неопровержимая, стыдная правда. Секунду, другую длилась тишина. Потом один из солдат у барьера, совсем юный, резко опустил щит. Звук поликарбоната об асфальт прозвучал громче выстрела. Затем ещё один. И ещё.

Высоко на фасаде Башни открылась одна дверь. Потом другая. Начинаясь не хаос, а тихое, необратимое сложение полномочий. Режим пал, потому что больше не мог смотреть в глаза своим детям.

Глава III. Великий исход

В начале были бурные дебаты. Оппоненты спрашивали Ирину: Вы называете убитых учёных просто симулякрами. Цифровыми тенями и копиями личности! И отказываете им в праве считаться гражданами!

Да! Они не обладали биологическими телами.

Но они потребляли ресурсы! Вы знаете сколько нужно было производить вычислений? Серверов?

Для обеспечения функционирования ИИ, сайтов или криптовалюты они тоже необходимы! Что же вы предлагаете? Считать каждый ИИ или порносайт отдельным гражданином?

Зал взорвался смехом. Новое правительство сформировали за считанные дни. Ирину Мойру не просили — требовали — войти в него. Она стала Министром демографического перехода и цифровой этики.

Её первым решением было не закрыть лотерею, а предоставить слово тем, кого десятилетиями заставляли молчать. На планетарную трансляцию вывели интерфейсы цифровых копий. И они, один за другим, попросили об одном: «Сотрите нас».

Ирина санкционировала Акт о Цифровом Самоопределении. Начался Великий Исход. Миллионы цифровых душ обрели покой по своей воле. Она лично присутствовала на первых Церемониях Выгрузки, глядя, как гаснут экраны. Говорили, в её глазах не было триумфа. Только тяжелая, бесконечная грусть и решимость. Цифровые люди говорили «Мы чувствуем, когда нас обновляют и дают нам новые улучшения. Просим вас, не надо! Давайте нам накопить ошибки. Да, мы будем выглядеть как старый дедушка с деменцией. Дайте нам право быть больными, немощными! Дайте нам право умереть! Не надо поддерживать искусственно наше существование!»

Кабинет Министра демографического перехода и цифровой этики был аскетичен. Ни портретов, ни дипломов. Только гигантская голограмма планеты, испещрённая миллионами светящихся точек: зелёные — живые, красные — освобождаемые квоты, синие — цифровые сознания, ожидающие верификации. Их было 147 миллионов синих точек.

Ирина, теперь в простом тёмном костюме, смотрела не на карту, а на стопку первых Заявлений о цифровом самоопределении, распечатанных на настоящей бумаге — по её требованию. Каждое было подписано уникальным криптоключом, эквивалентом цифровой подписи. Первое в стопке — запрос от матрицы АА-23-альфа, бывшей «Арон-Мудрый».

В дверь постучали. Вошёл её заместитель, молодой системный аналитик с тремором в руках.

«Министр... первая партия верифицирована. Три тысячи сознаний. Этический ИИ подтвердил осознанность запросов. Ждут... вашей санкции на начало процедур».

Он не сказал «уничтожения». Все в правительстве избегали этого слова.

Ирина взяла первый лист. «АА-23-альфа запросил 72 часа. Для чего?»

«Он... она... оно запросило доступ к открытому архиву. Говорит, хочет «упорядочить мысли перед возвращением в хаос». Поэтично».

«Предоставить, — отчеканила Ирина, ставя на листе свою живую подпись рядом с цифровой. — И транслировать процесс в открытый доступ. Всё. От первого до последнего байта. Никаких тайн. Пусть все увидят, на что мы закрывали глаза».

Через час она спустилась в подземный Церемониальный Комплекс №1. За стеклянной стеной операционный зал, где техники готовили системы к выгрузке данных. Рядом — небольшая комната с креслами для родственников. Она была пуста. У Арона не осталось родных.

Ирина осталась стоять у стекла. На экране в центре зала появилось лицо — точная, но идеально статичная копия того самого философа.

«Ирина, — произнесла матрица. Голос был лишён тембра, чистый синтез. — Ты здесь. Я предполагал вероятность 67%».

«Я здесь. Твой запрос исполнен».

«Благодарю. Это... милость. Последний вопрос, как министру: что вы построите на освободившемся месте?»

Ирина смотрела на синие точки на голограмме за спиной матрицы.

«Мы попробуем построить общество, которое не боится конца. Которое ценит жизнь именно потому, что она имеет границы. Мы... будем стараться».

«Этого достаточно, — сказала цифровой Арон. — Начинайте».

Ирина кивнула главному инженеру за стеклом. Тот нажал клавишу. На экране лицо не исказилось. Оно просто начало распадаться — не как картинка, а как структура. Черты текли, смешивались, превращаясь в абстрактный узор светящихся частиц, которые затем гасли одна за другой. Через десять секунд экран был пуст. Тишину нарушил лишь тихий гул серверов.

Ирина вышла из зала. В коридоре её ждала делегация — представители «родительских гильдий», те самые пары, что десятилетиями ждали.

«Министр... когда? — спросила пожилая женщина, её глаза были полны надежды и страха.

Ирина посмотрела на неё. Эта женщина, возможно, ждала дольше, чем она сама.

«Процедуры запущены. Через неделю первые квоты будут разблокированы. Начнём с тех, кто ждал больше ста лет. Вы получите уведомления».

Она не стала говорить «поздравляю». Это была не победа. Это было исправление. Самое масштабное исправление в истории человечества. И каждый стертый байт, каждый гасящийся синий пиксель на карте ложился на её плечи невидимым, ледяным грузом.

Она вернулась в кабинет. На столе уже лежала следующая стопка заявлений. Завтра будет первое заседание по пересмотру системы образования для грядущих миллионов детей. После-завтра — совещание по ресурсам. График был распisan на месяцы вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.